

чувства долга. Автор рассматривает широкий круг вопросов, связанных с образовательными заведениями (от их материальной базы до преподаваемых дисциплин) и отнюдь не преувеличивает имевшиеся в этой области достижения, поскольку уровень грамотности казаков оставался крайне низким (с. 271). Глава не носит этнографического характера, поскольку не показывает, как влияли светская и духовная школы на быт и культуру казаков.

Первая сводная работа, посвященная верхнекубанскому казачеству, охватила далеко не все стороны его жизни и быта, но тем не менее представляет несомненный интерес. В книге аккумулирован значительный фонд архивных и полевых источников, что может служить базой для новых исследований. М.Ф. Куракеева показала, что культура верхнекубанского казачества формировалась при взаимодействии русских и украинских традиций, поскольку предки данной группы казаков были выходцами из русско-украинского пограничья (не отрицается некоторое влияние и местной горской среды). Автор проследила влияние военизированного быта практически на все стороны хозяйственной и духовной жизни казаков, выявила весьма архаичные верования и обряды, характерные только для населения верхнекубанских станиц.

Дальнейшая работа в этом направлении поможет окончательно определить, являются ли верхнекубанские казаки локальной этнографической группой кубанских казаков или это лишь отражение подхода, при котором казачество изучается в современных (или недавних) административных границах краев и республик, на основании чего и происходит выделение локальных групп или, наоборот, их объединение.

Н.Н. Великая

© 2001 г., ЭО, № 3

Л.И. Никонова. Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000. 177 с.

В последние годы стало уделяться достаточно много внимания изучению традиционной народной медицины. В одних случаях она является самостоятельным предметом исследования, в других – дополнением при характеристике традиционной медицинской культуры этноса, рассматриваемой в качестве одного из механизмов адаптации человека к среде обитания и одной из составных частей системы жизнеобеспечения этноса. Без комплексного изучения этой системы воссоздание характерного облика этнической общности было бы весьма ущербным.

Народная медицина представляет собой один из важнейших компонентов народных знаний. Она – неотъемлемая часть духовной и материальной культуры и занимает в ней достойное место. В последнее десятилетие практическая значимость научного изучения и объективной оценки традиционной медицины особенно актуализировалась, что связано с рядом причин (подорожанием лекарств, общим загрязнением окружающей среды, большим числом аллергических заболеваний вследствие употребления лекарственных средств химического происхождения, интересом населения к природным средствам лечения и др.). Но в то же время исследователи этой области знаний поставлены в очень сложное положение: становится все сложнее получить истинные народные знания по медицине отдельных народов, так как издаваемая в настоящее время литература по данной тематике, особенно по траволечению, далеко не всегда отвечает даже самым элементарным этическим требованиям: в подавляющем большинстве случаев не указано, в какой местности, среди какого населения использовались эти методы, способы лечения, изготовления лекарственных средств. Значительная часть имеющихся публикаций далека от научности и представляет собой лишь коммерческий интерес для издателей.

Л.И. Никонова кроме рецензируемой опубликовала по этой тематике уже две книги: «Тайны мордовского целительства» (Саранск, 1995. 169 с.) и «Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения» (Саранск, 2000. 162 с. + илл.). Актуальность последней работы Л.И. Никоновой заключается в том, что в ней впервые систематизированы сведения по народной медицине финно-угорских народов Поволжья и Приуралья – коми, марийцев, мордвы, удмуртов, а сама народная медицина рассматривается как часть системы их жизнеобеспечения. Ученая систематизировала не только печатные источники по данной теме, но и собрала и классифицировала уникальный полевой мате-

риал, связала его с уже ранее опубликованными работами, характеризующими лекарственные растения этих регионов. Получение же собственной полевой информации по народной медицине достаточно сложно и специфично: при сборе и классификации автору пришлось скрупулезно выявлять в сведениях, полученных от информаторов, этническую специфику. С поставленной задачей, на мой взгляд, она успешно справилась. Несомненное достоинство исследования – описание фольклорных записей заговоров, используемых при лечении и определении природы болезней.

Настоящая книга, как уточняет автор, не претендует на исчерпывающий анализ всех проблем традиционной медицины финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, но может стать толчком для дальнейших исследований ее средств и методов, будет способствовать сохранению накопленного опыта как части народной культуры, входящей в систему жизнеобеспечения данных этносов.

В начале работы автор указывает на связь традиционной медицины с системой жизнеобеспечения: «Жизнеобеспечение – это обеспечение сохранения жизни... Он делал все, чтобы сохранить свою жизнь, свое здоровье. Поэтому традиционная медицина как обязательный компонент входит в культуру каждого народа и является неотъемлемой частью системы его жизнеобеспечения» (с. 3).

Ознакомившись с рецензируемой книгой, можно отметить, что автор вполне обоснованно разделила работу на несколько разделов (параграфов).

В предисловии рассматриваются истоки и причины возникновения народной медицины. И, как отмечает автор, во многом это обуславливалось отсутствием в глухих уголках квалифицированной медицинской помощи. Л.И. Никонова приводит краткие сведения (в том числе архивные) о развитии здравоохранения в исследуемых районах. Здесь анализируются данные о том, что по народным представлениям, вызвало появление тех или иных болезней: влияние ли это сверхъестественных сил, злых духов, или результат различного рода сглаза, порчи, наговоров колдунов и пр.

С древних времен у людей было разное отношение к знахарям и колдунам. У священников и обывателей, у самих знахарей, у представителей различных национальностей сложилась своя «иерархия» целей по силе воздействия, по специализации. На мой взгляд, Л.И. Никоновой удалось проанализировать эту своеобразную иерархию народных врачей-лечителей, форму и правила передачи медицинских народных знаний из поколения в поколение в среде исследуемых народов, что отражено в разделе «Крестьянский мир: знахари и колдуны». Здесь же рассказано об их действиях, оказывающих лечебный эффект, названиях этих действий, бытующих у народа, о различиях этих действий у представителей разных этнических групп. Автор приводит рассказы жителей, былички и повествования, которые позволяют проследить связь времен, задуматься над тем, как, какими путями идет познание окружающего мира, своей среды обитания.

Как и каждый этнос, финно-угорские народы Поволжья и Приуралья имеют свой, веками накапливавшийся и проверявшийся опытом набор различных лечебных средств – травы, средства животного, минерального происхождения. В них много общего для всех народов и специфичного для каждого, отмечает автор. Специфичность применяемых средств зависит от ряда причин: места расселения, степени отдаленности населенных пунктов от лечебных учреждений, от уровня медицинских знаний населения и пр. Далее приводятся народные рецепты приготовления снадобий, которые сгруппированы в зависимости от природы заболеваний. Рассмотрено применение физиотерапевтических методов лечения, в том числе и бани.

По мнению автора, наиболее сложными в традиционной медицине исследуемых народов оказались способы и приемы оказания хирургической и травматологической помощи. Врачующему эти заболевания необходимы определенные навыки и опыт: умение наложить шов, вправить вывихи, принять роды и т.п. Зачастую эти специалисты проводят определенные обряды, которые требуют особого настроения души.

Пожалуй, впервые в научном исследовании столь детально приводятся приемы лечения в народной травматологии. Для пояснения и лучшего восприятия текста автор приводит 54 рисунка, на которых указаны приемы, производимые знахарями при вывихах, болезнях спины и др.

Особое место занимает глава, в которой рассматриваются необъяснимые с позиции современной науки психотерапевтические методы воздействия – лечебная магия, заговоры. Эти материалы представляют большой этнографический интерес не только как часть культурного наследия народа, но и как проблема, требующая совместного изучения специалистами разных дисциплин – медиками, этнографами, фольклористами, лингвистами, психологами и др.

Рецензируемая книга Л.И. Никоновой – всестороннее исследование народной медицины финно-угорских народов; анализируемый в ней материал позволяет судить, насколько важна роль традиционной медицины в системе жизнеобеспечения этносов.

Исследования данной темы имеют не только научную, но и научно-практическую значимость. Сведения.

приведенные в книге, особенно относительно применяемых растительных, механических и физиотерапевтических средств лечения, могут быть использованы всеми практикующими врачами. В работе затрагиваются исторические, этнографические, медицинские, биологические, педагогические, культурные и психологические данные, и тем самым она расширяет представление о сущности и понятии народной медицины финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как части системы их жизнеобеспечения. Анализ источников позволил автору показать хронологически новационные процессы, происходящие в медицине региона. Работа, безусловно, является базовой; это удачное начало для последующих размышлений других ученых.

Н.А. Дубова

© 2001 г., ЭО, № 3

У Хла Тейн Тху. Будда-мьянманец*. Янгон, 1997. 159 с. (на бирман. яз.).

Рецензируемая книга не относится к числу строго научных работ. Она принадлежит к научно-популярному жанру в его весьма своеобразном мьянманском варианте и характеризуется значительным налетом сенсационности. Это видно уже из самого названия книги – «Будда-мьянманец». Автор пытается доказать, что Будда Шакьямуни по крови, по национальности – не кто иной, как мьянманец.

У Хла Тейн Тху – географ по образованию. К тому же он получил солидное традиционное религиозное образование, хорошо знаком с палийской буддийской литературой, издал несколько работ по проблемам буддизма. Он является сотрудником Департамента по распространению буддизма Мьянмы.

Возьму на себя смелость утверждать, что труд У Хла Тейн Тху по направленности можно сравнить с такими работами, как «Аз и я» О. Сулейменова, «Память» В. Чивилихина и даже с исследованиями Л. Гумилева. (В скобках замечу, что это исследование в некоторых аспектах напрашивается на сопоставление с изысканиями акад. А. Фоменко о так называемой новой хронологии.) Для автора характерны смелые гипотезы, стремление по-новому взглянуть на общеизвестные факты. При этом смелость далеко не всегда базируется на фактологическом фундаменте и находится в ладах с исторической логикой. Тем не менее в некоторых случаях выдвигаемые им предположения довольно удачны. Интересной бывает и сама постановка вопросов, рассматриваемых в книге.

В своих изысканиях У Хла Тейн Тху руководствуется прежде всего чувством национализма, патриотизма. Его вдохновляет религиозное рвение. Автор стремится доказать, что древние мьянманцы и шакья/сакья, в среде которых родился принц Сиддхартха Гаутама, были одним народом, составляли одну национальность. Тем самым начисто опровергается устоявшееся мнение о том, что принц Сиддхартха – индоарий.

Мьянманский автор доказывает принадлежность шакьев к монголоидной расе, не исключая, впрочем, у них примеси индоевропейской крови. Данное положение не вызвало бы особых возражений, так как оно не противоречит реалиям: на территории нынешнего Непала, где родился Будда, проживали и проживают и монголоиды, и европеоиды, и смешанные группы. Трудно оспорить и убежденность У Хла Тейн Тху в том, что шакья были тибето-бирманцами. Невары, таманги, магары, гурунги и другие народы Непала говорят на языках тибето-бирманской группы. Но У Хла Тейн Тху идет значительно дальше. Он стремится обосновать полную идентичность шакьев и мьянманцев, выдвигая свою собственную теорию движения народов в этом регионе в древности.

Надо признать, что в науке до сих пор нет ясности относительно времени прихода мьянманцев, или,

* С июня 1989 г. официальное название Бирмы – Мьянма. В рецензии эти названия, а также «бирманец-мьянманец» и «бирманский-мьянманский» употребляются как синонимы.